

МЕТОД КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТЕРМИНА «ПОСТУЛАТ» В СОЧИНЕНИЯХ И. КАНТА)

ЛЮДМИЛА КРЫШТОП

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Доцент

Контакт: ricpatric@gmail.com

АННОТАЦИЯ. В историко-философских исследованиях не последнюю роль играет анализ используемого терминологического аппарата. Анализ предпочтения автором того или иного варианта передачи смыслового значения сам по себе может многое рассказать о нюансировках смысла термина. Не менее значимыми оказываются также и частота употребления понятия, характер контекстов его употребления и изменение частоты употребления в процессе становления философских идей. Для исследования всех этих показателей незаменимую помощь способна оказать современная компьютерная техника. В данной статье возможности методов количественного анализа, основанных на использовании электронной техники, демонстрируются на примере анализа кантовских понятий «постулат».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история философии, методология, количественные методы, понятие, термин, индекс, Кант, кантоведение.

QUANTITATIVE ANALYSIS IN CONTEMPORARY STUDIES IN HISTORY OF PHILOSOPHY (BY THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF POSTULATE CONCEPT IN THE WRITINGS OF AKNT)

LUDMILA KRYSHTOP

Peoples' Friendship University of Russia, RUDN University (Moscow, Russia)

Associate Professor

Contact: ricpatric@gmail.com

ABSTRACT. In the studies in the history of philosophy using of terminology have a greate importance. The analyze of different word expression forms of thoughts can tell us much about the meaning of the terms. Анализ предпочтения автором того или иного варианта передачи смыслового значения сам по себе может многое рассказать о нюансировках смысла термина. The frequency of notion applying is not less important. For researching of all these subjects the computer technique can be very helpful. In this paper the author tries to demonstrate the possibility of using of computer technique drawing on postulate notion of Kant.

KEY WORDS: history of philosophy, methodology, quantitative methods, notions, index, Kant, Kant studies.

Язык является важнейшим инструментом постижения окружающего мира и выражения им результатов этого познания. Исследование языка, его сущности и способов его использования интересовало мыслителей и философов еще во времена далекой древности, причем интерес этот мы наблюдаем в разных культурных регионах. Так, в Древнем Китае мы находим концепцию «исправления имен» Конфуция, посвященную анализу соответствия имен сущностям вещей. В европейском культурном регионе мы уже во времена античности видим достаточно развитые семиотические теории, в частности, у стоиков. Еще большее внимание уделялось проблеме обозначений в Средние века в связи со спором об универсалиях, да и в Новое время и эпоху Просвещения интерес к семиотике неизменно возрастает. Сегодня язык является предметом изучения представителей самых разных научных дисциплин и направлений. В философии же существует отдельный раздел – философия языка. Немалый вклад в исследование этого феномена вносят также и другие науки – лингвистика, филология, культурология, психология. Тем не менее можно сказать, что несмотря на обилие взглядов и теорий по вопросу происхождения языка и его сущности нам так и не удалось найти однозначный ответ на целый ряд вопросов, принципиальным вопросом при этом оказывается вопрос взаимосвязи языка и мышления человека. Однако некоторые основные моменты взаимосвязи языка и мышления все же установить удастся. Значительный вклад в решение этих вопросов внес в свое время Л. С. Выготский (1896-1934), который после целого ряда экспериментов, показал, что мышление и речь являются двумя независимыми друг от друга процессами, лишь частично пересекающимися¹. Важным выводом из этого является его утверждение, что по причине изначальной нетождественности процессов мышления и речи слово не представляет собой простого зеркального отражения мысли. Другими словами, «речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове»².

Для историко-философских исследований, равно как и для самой философии, это заключение является крайне важным. Ведь именно в словесной форме все философы и мыслители были всегда вынуждены пытаться выразить свои интеллектуальные прозрения и интуиции. И факт принципиальной невозможности простой трансляции своей мысли в слова с неизбежностью накладывал и продолжает накладывать целый ряд ограничений и создавать целый ряд сложностей при исследовании историками философии философских взглядов мыслителей разных времен и народов.

---

¹ См.: *Выготский Л. С. Генетические корни мышления и речи // Мышление и речь. М., 1999. С. 81-108.*

² *Выготский Л. С. Мысль и слово // Мышление и речь. М., 1999. С. 286.*

Хотя мы и начали с рассмотрения результатов психологических исследований относительно сущности языка и мышления, следует отметить, что этот вывод был не чужд и самой философии. В частности, можно сказать, что заключение о нетождественности мышления и речи полностью совпадает с одной из основных интуиций классиков герменевтического подхода, заключающуюся в том, что мир всегда являлся нам в языке и через язык. Именно наше словоупотребление и оказывается первым раскрытием мира, первой его интерпретацией, на которую нанизываются другие, более частные интерпретации позитивных наук. Это дает право Гадамеру утверждать принципиальное отличие философии от всех иных «научных» дисциплин, так как если у каждой из них есть какое-то строго очерченное предметное поле, которое и определяет в конечном счете специфику «частных» интерпретаций мира той или иной наукой, то философия, усматривающая свою задачу в целостном постижении мироздания, всегда была в этом смысле беспредметной. Делая предметом своего изучения все бытие, она оказывалась тем самым лишенной какого-то конкретного предмета, а следовательно, в принципе не могла создать какой-то особый искусственный язык, подходивший бы под нужды однозначного описания этого предмета. Оказываясь наиболее тесно связанной с постижением являемого мира как такового, философия вместе с тем неразрывно связана с обыденным словоупотреблением, которое и обуславливает первичный образ мира. И именно это сложившееся словоупотребление и ложится в основе процесса образования понятий и терминов. Изучение же этих понятий и является, таким образом, той проблемой, которая с одной стороны формирует саму философию (не существовавшую бы без своего понятийного аппарата), с другой же стороны является одной из основных задач философии. По этой причине именно историю понятий Гадамер полагал сущностной частью философии³.

Выводам Гадамера предшествовало долгое развитие герменевтической традиции в Западной Европе, понимаемой как искусство истолкования текстов. Причем на протяжении долгого времени в Европе речь по сути шла только об одном тексте – Священном Писании. И здесь не лишним будет отметить, что «герменевтика» на протяжении большего периода своего существования как дисциплины означала нечто иное, как именно искусство истолкования сакральных текстов христианской традиции. Дело такого толкования представлялось чрезвычайно важным и носило приоритетный характер, так как именно библейские тексты воспринимались как источник знания божественных истин, необходимых не для благополучного устройства в этом временном, земном мире, а для вечного спасения души человека. Но понять и

---

³ См.: Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 27. URL: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_gadamo1.htm

постичь эти истины не представлялось возможным без корректного понимания смысла слов Священного Писания. Последнее же в свою очередь представлялось весьма затруднительным, так как очевидным было, что хотя сами истины и носят вневременный характер, однако выражены они в словесной временной форме и адресатом этих временных форм изначально были древние евреи (если речь идет о Ветхом Завете) и ранняя христианская община (если речь идет о Новом Завете). Другими словами, тексты эти изначально создавались для людей совершенно иной эпохи и писались на понятном им языке. В связи с этим и правильное понимание этих текстов оказывалось возможным только при более детальном изучении исторических и культурных реалий жителей прошлых эпох, особенностей их быта и религиозного культа, с целью лучше понять те вечные истины, которые Бог открыл для нас в Священном Писании. В конечном счете, именно из этого подхода и выросла как историческая критика Священного Писания, так и связанные с ней поиски исторического Христа, зародившиеся и быстро развившиеся в эпоху зрелого Просвещения в протестантской Германии. Другой стороной этого «обмирщения» процесса применения гегелевских методов к Священному Писанию стало сознательное применение этих же методов к исследованию других, уже не сакральных в прямом смысле слова, текстов.

На этом этапе развития герменевтики особую роль сыграли тексты И. Канта, понятийный аппарат которых подвергся пристальному исследованию еще при его жизни. Кантовское стремление создать однозначные термины для обозначения основных для своей философской системы понятий известна. Равно как известны и его неудачи на этом пути, самой известной из которых является парадоксальное определение терминов трансцендентальный и трансцендентный, когда на одной странице Кант и дает четкое определение этим понятиям и их отличиям и сам же ему противоречит⁴. Язык Канта интересен еще и по той причине, что в нем мы наблюдаем значительное смешение как немецких форм понятий, так и латинских, употребляемых в то время. Ибо несмотря на попытки, предпринятые еще Вольфом, по созданию немецкого философского языка, язык этот до Канта сформировавшимся назвать трудно. При этом однако не всегда понятно, когда латинская и немецкая формы понятия являются лишь синонимами, а когда они должны восприниматься как маркировки разных понятий. Такое смешение языковых форм, равно как и присущее всем философам стремление провести четкие различия вводимых (или употребляемых) понятий от понятий их предшественников и современников, помноженное на уверенность Канта в том, что для основания его новой критической философии «необходимо

---

⁴ См.: Kant I. Kritik der reinen Vernunft. В 352–353/A 295–296. Русский перевод см.: *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 216–217.

разработать даже особые технические термины»⁵, и создают то причудливое многообразие четких дефиниций, даваемых Кантом при всяком удобном случае и далеко не всегда способных непротиворечиво сочетаться в единое целое его философской системы. Споры о том, насколько оправданы новые терминологические изобретения Канта, красной нитью проходят сквозь большинство работ XVIII – XIX вв., посвященных кантовской философии⁶. И именно это и послужило началом отдельной области кантоведения – кантофилологии⁷.

Самым первым примером попыток систематического осмысления и разъяснения кантовской терминологии можно считать труд Карла Христиана Эрхарда Шмида «Словарь для более легкого употребления кантовских сочинений» (1786)⁸, который вскоре стал настолько популярным, что выдержал несколько расширенных переизданий еще при жизни Канта. За этой работой последовали и другие работы подобного рода, в частности «Энциклопедический словарь критической философии» Георга Самуэля Альберта Меллина (1797)⁹ и многотомный «Новый всеобщий философский реальный лексикон или словарь» Иоганна Христиана Лоссиуса¹⁰.

Значимой вехой в истории развития такого рода методов исследования стало создание в 1930 г. Рудольфом Айслером в 1930 г. словаря кантовских терминов¹¹. В дальнейшем его усилия были подхвачены рядом последователей, что привело в конечном счете к появлению современного многотомного справочника философских понятий¹². В настоящий момент это направление настолько развилось, что его методы применяются не только к исследованию терминов кантовской философии, но и вовсе к изучению нефилософских понятий. Однако до сих пор именно исследование кантовской терминологии занимает особое место в историко-философских штудиях.

---

⁵ Kant I. Brief an Marcus Herz vom 24. November 1776 // Kant's Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. 10. Berlin, 1922. S. 199; Кант И. Кант – Герцу // Собр. соч. в 8 тт. М., 1994. Т. 8. С. 503.

⁶ См.: Hinske N. Einleitung // Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung. Bruxelles, 1974. S. IX.

⁷ См.: Verneaux R. Le vocabulaire de Kant. Vol. 1. Paris, 1967. P. VII. О значении кантофилологии для кантоведения см.: Хинске Н. Кантианство, кантоведения и кантофилология. Размышления об истории рецепции кантовской мысли // Историко-философский ежегодник 2015. М., 2016. С. 154-173.

⁸ Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung. Jena, 1795.

⁹ Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie. Leipzig, 1797.

¹⁰ Lossius J. Chr. Neues philosophisches allgemeines Real-Lexicon oder Wörterbuch der gesammten philosophischen Wissenschaften in einzelnen, nach alphabetischer Ordnung der Kunstwörter auf einander folgenden Artikeln in 4 Bd. Erfurt, 1803-1808.

¹¹ Eisler R. Kant-Lexicon. Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften. Berlin, 2008 (1930).

¹² Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. von J. Ritter, K. Gründer. Bd. 7. Basel, 1971-2007.

Новым этапом в этом направлении методологических исследований стало изобретение электронно-вычислительной техники. Именно благодаря последнему стало возможным составление кантовских индексов, начало чему было положено в 60-е гг. XX в. Готфридом Мартином¹³. В то же время мы можем отметить, что именно словарь, изданный в конце 60-х гг. Готфридом Мартином стал переломным моментом и положил начало активному внедрению использования электронно-вычислительной техники, а вместе с тем и методов количественного анализа в историко-философских исследованиях. Так, Н. Хинске в конце 70-х гг. говорил, что новый тип словарей, составленных при помощи электронной техники, представляет собой «не только количественное, но принципиально качественное изменение»¹⁴. И хотя выгоды и польза от применения электронно-вычислительной техники, особенно в ее современном варианте компьютерных технологий, для всех сегодня очевидна, стоит отметить, что в конце 60-х и на протяжении всех 70-х гг. в среде кантоведения велись серьезные дебаты относительно того, насколько правомерно и оправданно использование такого рода новшеств в историко-философских исследованиях и каковы перспективы этих методов.

Некоторые из возражений с обеих сторон сейчас представляются нам неактуальными, а некоторые даже вызывают улыбку. В частности, одной из серьезных проблем, тогда обсуждаемых, являлся вопрос о том, в каком виде новые словари должны создаваться. Так, сам Мартин по сути предлагал создать индексы ко всем имеющимся философским текстам, что привело бы к значительному увеличению объемов книжных хранилищ в библиотеках. Однако, более популярными были предложения В. Штарка, предлагавшего три возможных альтернативы:

- 1) создание печатных индексов (только для особо значимых философов);
- 2) создание электронных носителей с данными индексами;
- 3) создание электронных баз данных, доступ к которым имелся бы в специализированных научно-исследовательских организациях¹⁵.

При этом, несмотря на явные недостатки первого варианта в виде больших объемов печатных материалов, необходимых для производства этого типа индексов, а соответственно и их дороговизны, именно ему отдавался приоритет, по причине удобства работы с печатными изданиями и их доступностью. Второй и третий вариант, напротив, были предпочтительны в

---

¹³ *Martin G.* Allgemeiner Kantindex zu Kants gesammelten Schriften // *Kant's Gesammelte Schriften* / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Abt. 5. Bd. 17. Berlin, 1967.

¹⁴ *Hinske N.* Elektronische Datenverarbeitung und Lexikographie. Welche neuen Impulse sind von der Verwendung der elektronischen Datenverarbeitung für die historisch-philologische Arbeit an den Texten zu erwarten // *Philosophisches Jahrbuch*, 1981. Bd. 88. S. 154.

¹⁵ См.: *op.cit.* S. 157–158.

виду их относительной дешевизны и возможностей получать информацию по разного типа запросам, однако подразумевали малую доступность этих материалов для широкого круга исследователей. Сейчас, по прошествии сорока лет, мы можем констатировать, что все эти три варианта по-прежнему существуют. Так, у нас есть печатные варианты индексов (серия FMDA)¹⁶, имеются электронные базы данных на дисках (Kant im Kontext)¹⁷ и даже в режиме онлайн¹⁸. В то же время наблюдается и значительная переоценка плюсов и минусов данного вида изданий. В частности, мало кто сегодня будет утверждать, что печатный вариант предпочтителен ввиду своей большей доступности.

Другой серьезно обсуждаемой проблемой новых словарей была невозможность произвести сортировку получаемых результатов. Невозможно было заранее задать параметр написания с прописной или строчной буквы, разные запросы необходимо было делать по каждой падежной или временной грамматической форме и т.п. Однако в современных поисковых системах данная проблема решается достаточно эффективно, предоставляя возможность указывать определенные параметры поиска.

В то же время, если мы отвлечемся от некоторых деталей полемики 60-х-70-х гг., обусловленных уровнем развития техники в те годы, мы заметим, что с оценками ключевых преимуществ и недостатков данного методологического инструментария мы по-прежнему можем согласиться.

Так, в частности, одним из основных возражений оправданности применения вычислительной техники для создания словарей нового типа являлось указание на то, что по сути они способны предоставить нам лишь сухой перечень количества и контекстов употребления определенных словоформ в заданном объеме текстов, что, само по себе, не имеет историко-философской ценности, так как не подразумевает никакого анализа и фильтрации данной информации по значимости. Соответственно новые словари требуют дополнительного анализа со стороны исследователей философии и в принципе не способны заменить старые. Наиболее отчетливо эта позиция была представлена в статье Вольфганга Бартушата:

«Можно узнать, что слово «machen» встречается в 3-ем томе 220 раз, а в 6-ом томе – 274 раза, а слово «denn» употребляется в первом издании «Критики чистого разума» 314 раз, тогда как в «Критике практического разума» - всего лишь 189 раз. Но так как первая «Критика» намного большего объема, нежели первая, то возможно «denn» относительно общего числа слов в

---

¹⁶ Forschungen und Materialien zur deutschen Aufklärung (FMDA). Abt. III: Indices zur Philosophie der deutschen Aufklärung / Hrsg. von N. Hinske. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1986–2017.

¹⁷ См.: <https://www.infosoftware.de/kant.htm>

¹⁸ См.: URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/>

«Критике практического разума» употребляется чаще. Однако об этом индекс уже умалчивает». И далее: «Мы имеем дело с индексом, в котором слова выстроены в последовательность, без учета отношения и смыслового контекста, в котором они употреблены...»¹⁹

Учитывая же тот факт, что даже значимые для Канта термины, такие как *Verstand* и *Vernunft*, он сам употребляет взаимозаменяемым образом, становится понятно, что простого перечня частоты употребления определенных словоформ в принципе не может быть достаточно для анализа кантовских сочинений. И даже больше: такое указание вполне может вводить в заблуждение.

Это возражение, с одной стороны, могло быть сформулировано в столь категоричной форме только в 70-е гг., когда единственный вариант подобного рода словарей представлял из себя простой перечень слов с указанием частотности их употребления в разных томах собрания сочинений Канта (даже без фильтрации по работам, в этих томах опубликованным). Сейчас, при наличии новых баз данных (на дисках или в онлайн-формате), предоставляющих исследователю не только частоту употребления, но сразу выводящих и контекст употребления данного термина, такое возражение во многом теряет свою актуальность. Однако бесспорным по-прежнему остается факт необходимости дополнительной аналитической работы исследователя, все эти контексты прорабатывающего. Другими словами, современная техника способна значительно облегчить исследователю жизнь, моментально предоставив все контексты употребления определенной словоформы в заранее заданном объеме текстовой информации, однако проработать за исследователя все эти фрагменты и сделать определенные исследовательские выводы техника не способна.

Очевидность справедливости данного возражения против значимости нового типа словарей столь велика, что она никогда не поддавалась опровержению. Так, даже самый активный сторонник и защитник применения новых методов в кантоведении – Норберт Хинске – соглашался с этим аспектом, называя эту особенность нового типа словарей «обреченностью на полноту»²⁰. Предоставляя все случаи употребления термина, данные словари не способны дать представления о количестве тех случаев употребления, когда данное слово действительно является термином и несет особую смысловую нагрузку, а когда нет; не способны дать информацию о разных смыслах данного термина в разных контекстах, о возрастании или уменьшении

---

¹⁹ См.: *Bartuschat W.* Allgemeiner Kantindex zu Kants Gesammelten Schriften, Band 16/17 // Philosophische Rundschau, 1972. Bd. 18. S. 143–144.

²⁰ См.: *Hinske N.* Elektronische Datenverarbeitung und Lexikographie. S. 154.

значимости данного термина для кантовской философии с течением времени и т.п.

В то же время, если мы не будем пытаться подменить техникой живого исследователя, а новой формой словарей полностью заменить старую, то эта проблема сразу перестает для нас быть проблемой и превращается лишь в некоторую сущностную черту данного типа исследовательского инструментария, при грамотном учете которой в исследовательской работы перед нами открываются широкие перспективы его применения. Так, использование электронной техники способно помочь при решении следующих историко-философских проблем:

- 1) изучение становления и развития определенного термина;
- 2) прояснение источников, повлиявших на кантовскую мысль;
- 3) установление аутентичности источников рукописного наследия;
- 4) датировка источников рукописного наследия.

Таким образом, можно сказать, что применение компьютерной техники открывает широкие просторы для быстрой обработки больших массивов текстовой информации с последующим ее ранжированием. Так, сегодня возможно проанализировать частотность употребления того или иного термина в текстах Канта, зафиксировать увеличение или уменьшение частоты употребления терминов в разные периоды творчества и в разных работах, посвященных освящению разных разделов кантовской философской системы. Возможно также и быстро сориентироваться в том, немецкая или латинская форма понятия используется, а также выявить контексты употребления тех или иных языковых форм, что значительно облегчает исследование не только разных контекстов употребления, но и разных нюансов смысла того или иного понятия. Возможности, которые открываются для исследователей истории философии благодаря использованию подобных баз данных поистине обширны. Ниже это будет продемонстрировано на примере исследования употребления понятия «постулат» в текстах Канта.

Понятие «постулат» используется Кантом уже в докритических работах, причем не единожды. В критический период этот термин прочно входит в кантовскую философскую систему. Пожалуй, сложно найти сегодня хоть сколько-нибудь философски образованного человека, не слышавшего о кантовских постулатах практического разума. В то же время значение этого понятия для многих остается и оставалось весьма туманным, несмотря на кантовские понятия дать этому термину четкую дефиницию и отличить его от других близких по значению терминов. Это и приводило (и до сих пор иногда приводит) к ложным интерпретациям кантовских положений, названных им «постулатами». И хотя постулаты присутствуют не только в практической философии Канта, но также и в теоретической, именно для практической философии (особенно для сферы морали) эти необоснованные интерпретации

стали особенно популярны. И именно они в конечном счете и приводят к обвинениям Канта в атеизме, безбожии, подрыве основ морали и религии.

Если мы обратимся к определению понятия «постулат», то в «Критике чистого разума» мы находим следующую дефиницию: постулат – это «*теоретическое*, но, как таковое, недоказуемое положение, поскольку оно неотъемлемо присуще *практическому* закону, имеющему a priori безусловную силу»²¹. В то же время в лекциях по логике мы видим несколько иное определение: «Постулат есть практическое, непосредственно достоверное положение или основоположение, определяющее возможное действие, относительно которого предполагается, что способ его осуществления непосредственно известен»²². Сравнивая эти два определения между собой сложно не заметить кардинальное расхождение: в одном случае Кант определяет этот тип положения как положения теоретические, в другом – как практические. В то же время в обоих определениях достаточно четко подчеркивается как недоказуемый характер этих положений, так и их непосредственная связь со сферой действий. Собственно здесь же мы усматриваем и возможный аспект примирения этих понятий между собой – именно в предполагаемой известности способа выполнения действия и может быть заложена его теоретичность. Нам необходимо предполагать некоторые теоретические основания, дабы признать то или иное действие и способ его выполнения возможными. Именно так и обстоит дело с практическими постулатами, которые предполагают существование трех предметов – Бога, бессмертия души и свободы воли – как действительно существующих, так как именно они в конечном счете делают возможным моральное поведение человека из плоти и крови как он представлен в феноменальном мире.

В то же время тот факт, что именно понимание термина «постулат», представленное в сфере практической философии, является для Канта критического периода основным (а следовательно, должно быть основным и для исследователей кантовской философии), становится понятным из обращения к анализу частоты употребления данного термина и различных его вариаций в текстах Канта. Так, именно в работах, посвященных практической философии, этот термин и его различные словоформы употребляется с максимальной частотой. При этом увеличение частоты употребления данного термина можно отнести ко второму изданию «Критики чистого разума», где этот термин употребляется по большей части снова же в контексте практической философии. Кроме того, говоря о «Критике чистого разума» следует отметить так же и тот факт, что здесь мы встречаем не только сам термин «постулат», но гораздо чаще встречаем различные формы глагола

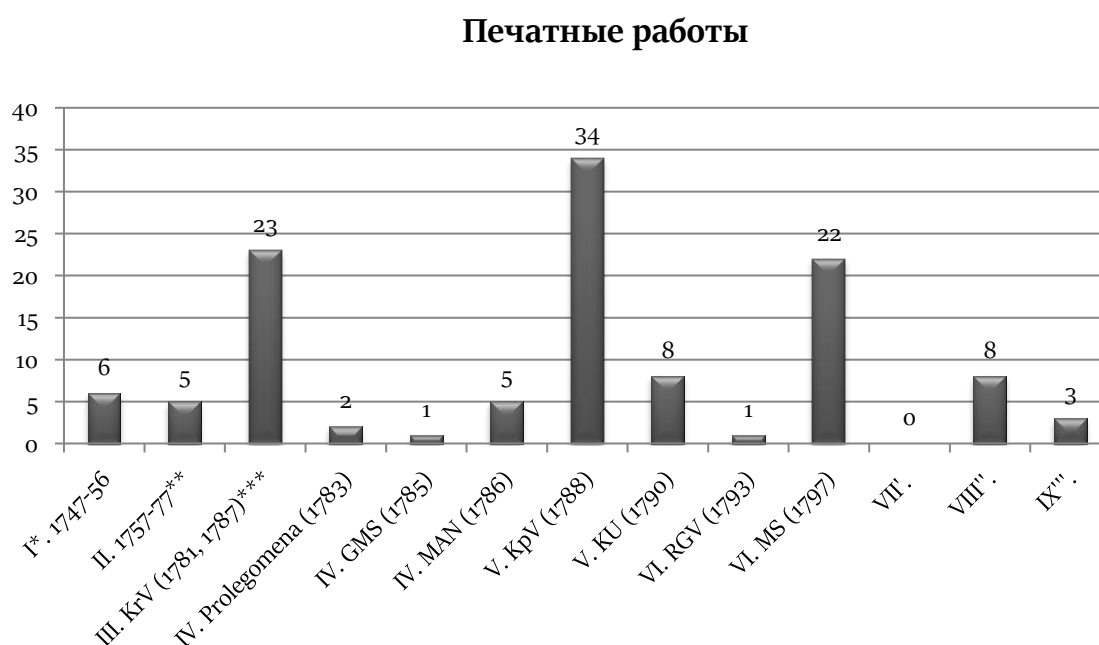
---

²¹ КрV. А 220; КПП. С. 619.

²² Kant I. Logik. A 174-175; Т. 8. С. 366.

«постулировать» (postulieren), что свидетельствует о том, что в данный временной период Кант хотя уже и шел в сторону формирования своего критического понимания данного термина, однако понимание это было еще до конца не сформировано. Окончательное же его оформление следует относить именно ко второй «Критике». Частоту употребления Кантом данного понятия можно наглядно продемонстрировать следующими диаграммами:

Диаграмма 1

* Римские цифры соответствуют номерам томов собрания сочинений Канта Прусской академии наук.

** В ранних работах употребляются только латинские формы.

*** В отношении употребления различных словообразований и словоформ «postulat» первое и второе издание КЧР идентичны.

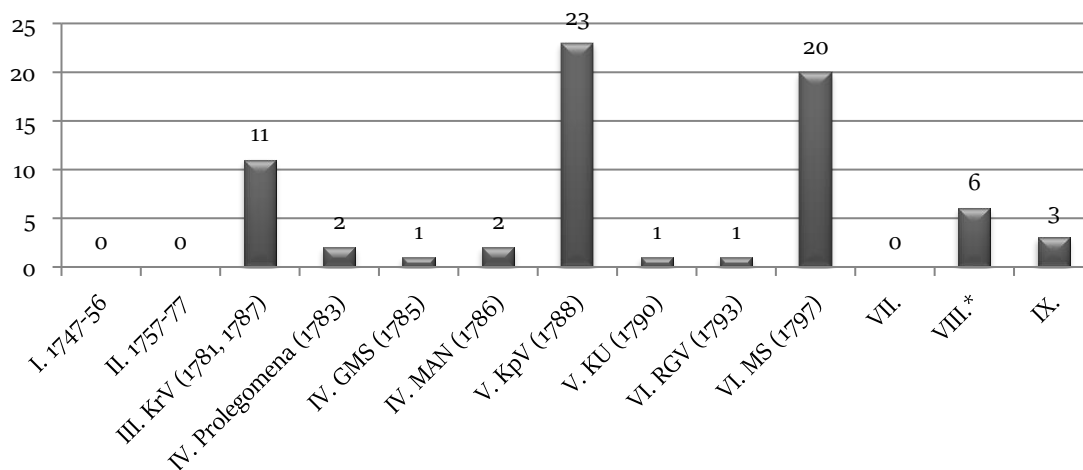
' «Der Streit der Fakultäten», «Anthropologie in pragmatischer Hinsicht».

" Abhandlungen nach 1781. Всего в статьях различные словоформы и словообразования «postulat» встречаются восемь раз, четыре из которых – в статье «Verkündigung des nahen Abschlusses eines Traktats zum ewigen Frieden in der Philosophie» (1796). Все случаи употребления относятся к практической философии.

''' «Logik», «Physische Geographie», «Pädagogik». Словоформы существительного «postulat» встречаются только в лекциях по логике.

Диаграмма 2

Частота употребления словоформ «postulat»

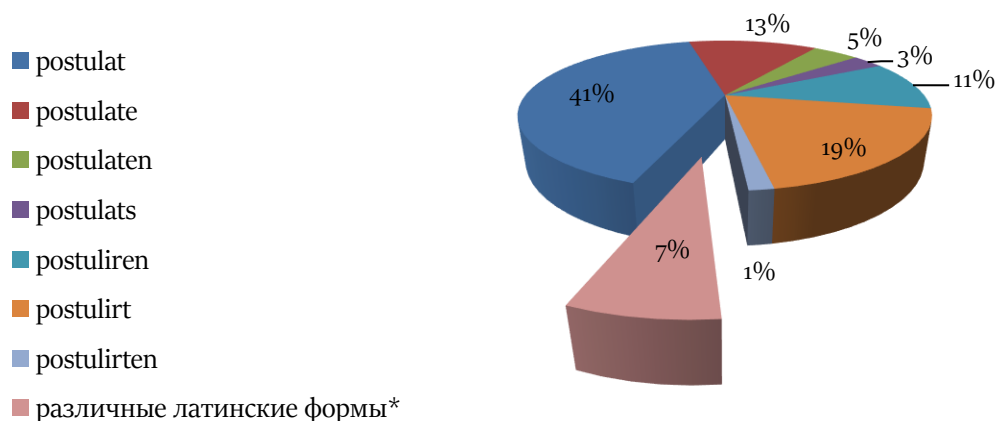

* В статье «Verkündigung des nahen Abschlusses eines Traktats zum ewigen Frieden in der Philosophie» (1796) словоформы «postulat» используются дважды.

Кроме того, интерес может представлять также сравнение частоты употребления немецких и латинских форм данного понятия:

Диаграмма 3

Соотношение латинских и немецких форм

* Различные латинские формы (postulant, postulata, postulatum, postulatum, postulavi, postules, postulet) встречаются только в ранних работах (1747–70).

По большей части, Кант употребляет термин «постулат» уже в привычной нам сегодня немецкой форме. Латинские же варианты употребляются им крайне редко и только в ранних работах (некоторые из которых были написаны на латинском языке, как, например, диссертация 1770 г.).

Таким образом, мы видим на примере анализа употребления различных форм термина «постулат» в философских трудах Канта критического и докритического периода, какую пользу могут оказать методы количественного анализа в историко-философском исследовании, реализуемые на основе применения современной компьютерной техники. В данном случае, выявив, в какой период, в каких работах и в каких контекстах преимущественно Кант употребляет данный термин, мы можем проследить процесс становление данного кантовского понятия. Хотя оно и имеет предысторию употребления в докритических работах, однако с уверенностью можно сказать, что собственно в особый термин кантовской философии оно превращается лишь с «Критики практического разума», так как даже в «Критике чистого разума» этот термин еще не приобретает строго очерченных терминологических границ. В то же время исследование истории формирования данного понятия можно считать важной для понимания кантовской философии в целом, так как понятие «постулат» является одним из основополагающих понятий практической философии Канта.

REFERENCES

Bartuschat W. Allgemeiner Kantindex zu Kants Gesammelten Schriften, Band 16/17 // *Philosophische Rundschau*, 1972. Bd. 18. S. 143–144.

Das Bonner Kant-Korpus. URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/> (Дата обращения: 25.09.2017).

Eisler R. *Kant-Lexicon. Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften.* – Berlin: Olms, 2008. – 642 S.

Forschungen und Materialien zur deutschen Aufklärung (FMDA). Abt. III: Indices zur Philosophie der deutschen Aufklärung / N. Hinske. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1986 ff.

Hadamer G.-G. *Istoriya ponyatii kak filosofiya [The Notions History as Philosophy]. Aktual'nost' prekrasnogo [The Actuality of Beauty]*, Moscow, Iskusstvo, 1991. URL: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_gadamo1.htm (Accessed: 25.09.2017). (In Russian)

Hinske N. Einleitung // Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung. – Bruxelles: Culture et civilisation, 1974. – S. VII-XXXII.

Hinske N. Elektronische Datenverarbeitung und Lexikographie. Welche neuen Impulse sind von der Verwendung der elektronischen Datenverarbeitung für die historisch-philologische Arbeit an den Texten zu erwarten // Philosophisches Jahrbuch, 1981. Bd. 88. S. 153-159.

8.Hinske N. Kantianstvo, kantovedeniya i kantofilologiya. Razmyshleniya ob istorii retseptsii kantovskoi mysli [Kantianism, Kant-studies and Kant-philology. Meditation on the History of Kant's Thought Reception]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2015* [History of philosophy. Yearbook 2015], Moscow, Kanon-plus, 2016, p. 154-173. (In Russian)

Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. von J. Ritter, K. Gründer. – Basel, Stuttgart: Schwabe & Co., 1971-2007.

Kant I. Brief an Marcus Herz vom 24. November 1776 // Kant's Gesammelte Schriften / Königlich Preußische Akademie der Wissenschaft. – Berlin: Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1922. – Bd. 10. – S. 198-200.

Kant I. Kant – Gertsu [The Letter from Kant to Herz]. *Sobr. soch. v 8 tt.* [Writings in 8 vol.], ed. by A. V. Gulyga, Moscow, Choro, 1994, vol. 8, p. 502-504. (In Russian)

Kant I. Kritik der praktischen Vernunft // Werke in sechs Bänden / W. Weischedel. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998. – Bd. IV. – S. 107-302.

Kant I. Kritik der reinen Vernunft // Werke in sechs Bänden / W. Weischedel. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998. – Bd. II. – 724 S.

Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow, 1994. (In Russian)

Kant I. Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. *Soch. na russkom i nemetskom yazykakh: V 4-kh tt.* [Writings in Russian and German in 4 vol.], ed. by N. V. Motroshilovoi, B. Tushlinga, Moscow, Kanon-plus, 1997, vol. 3, p. 277-733. (In Russian)

Kant I. Logik // Werke in sechs Bänden / W. Weischedel. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998. – Bd. III. – 696 S.

Kant I. Logika. *Sobr. soch. v 8 tt.* [Writings in 8 vol.], ed. by A. V. Gulyga, Moscow, Choro, 1994, vol. 8, p. 266-398. (In Russian)

Lossius J. Chr. Neues philosophisches allgemeines Real-Lexicon oder Wörterbuch der gesammten philosophischen Wissenschaften in einzelnen, nach alphabetischer Ordnung der Kunstwörter auf einander folgenden Artikeln in 4 Bd. Erfurt: Rudolphi, 1803-1808.

Martin G. Allgemeiner Kantindex zu Kants gesammelten Schriften // Kant's Gesammelte Schriften / Königlich Preussische Akademie der Wissenschaft. – Berlin: Verlag de Gruyter, 1967. – Bd. 17. – 1110 S.

Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie. – Leipzig, 1797. – 464 S.

Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung. Jena, 1795. – 668 S.

Verneaux R. Le vocabulaire de Kant. – Paris: Aubier-Montaigne, 1967. – Vol. 1. – 201 P.

Vygotskii L. S. Geneticheskie korni myshleniya i rechi [Genetic Origins of Speaking]. *Myshlenie i rech'* [*Thinking and Speaking*], Moscow, Labirint, 1999, p. 81–108. (In Russian)

Vygotskii L. S. Mysl' i slovo [Thought and Word]. *Myshlenie i rech'* [*Thinking and Speaking*], Moscow, Labirint, 1999, p. 276–337. (In Russian)